

Литература

1. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы / Г.О.Винокур. – М. : Высшая школа, 1991. – 447 с.
2. Муратова, Е. Ю. Смыслы слова в системе поэтического языка XX века / Е. Ю. Муратова. – Минск: БГУ, 2008 – 207 с.
3. Туманян, Э. Г. О природе языковых изменений / Э. Г. Туманян // Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 86–97.

E. Yu. Muratova

Vitebsk State University named after P. M. Masherova
e-mail: mouratova@tut.by

Occasional poetic vocabulary as an implementation retrospective and perspective language potencies

Key words: poetry, poetic text, occasional vocabulary, creativity of E. Evtushenko.

The article explores occasional vocabulary as the realization of the potentials of the language, considers occasionalisms in the work of E. Yevtushenko, their artistic role in poetic texts.

В. В. Нестерук

Филиал Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе
e-mail: viky@ua.fm

УДК 821.161.1

О некоторых особенностях языка современной русской прозы

Ключевые слова: современная литература, сленг, заимствование, стилистическая разнородность, просторечие.

В статье рассматриваются новейшие языковые тенденции на примере четырех рассказов современных русских писателей. Отмечаются изменения на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях.

Язык – это динамично развивающаяся система, и одна из задач лингвистической науки – фиксирование и анализ происходящих в нём изменений, прогнозирование перспектив, сравнение языковой картины мира в разные исторические моменты. Связь языка и сознания также представляет определённый научный интерес, ведь новые жизненные реалии требуют наименования, что, в свою очередь, влияет и на дальнейшее осмысление и переосмысление мира. Все эти сложные процессы находят отражение в языковой деятельности человека, и художественная литература – один из способов их фиксирования.

Современные писатели имеют множество возможностей для самореализации, которые предоставляют сеть Интернет, множество издательств, а также «толстые» журналы. Несмотря на значительное количество авторов, каждый из которых создаёт произведения в соответствии с собственными убеждениями, языковыми особенностями и чувством стиля, анализ текстов позволяет выявить ряд общих черт, отражающих новейшие изменения в языке. Материалом для нашего исследования послужили четыре рассказа, опубликованные в журнале «Новый мир» в январе 2020 г. и размещённые на сайте издания.

Основные изменения коснулись лексического строя текстов. Так, одна из тенденций – использование лексики более молодого поколения читателей, что проявляется в час-

тотном употреблении элементов молодежного сленга в текстах произведений: «*Отойди, замутим селфик*», «*Вот посылка... Я вообще могла её могла не найти. Выкинуть. Всучить другому. Это ясно-понятно?*» [1]; «*Дядя Валь, чего за фигня?*» [4]. Если раньше писатели стремились к высоким образцам литературного искусства, а целью произведений во многом было воспитание вкуса, манер, то современная литература совершенно не стремится воспитывать, окончательно принимая на себя функцию развлечения.

Интересно, что слово «селфик» – это производное от английского «selfy», начавшее в авторской интерпретации изменяться по образцу русских слов и приобретшее суффикс, которого в оригинале не было. А выражение «ясно-понятно» было заимствовано из интернет-языка и традиционно стало использоваться для завершения разговора, когда одному из собеседников больше нечего сказать; выражение в этом же значении было перенесено автором в «живой» разговор.

Вообще количество иноязычных заимствований в языке (а соответственно и в литературе) продолжает увеличиваться. Некоторые учёные считают, что эта тенденция не грозит русскому языку никакими серьёзными последствиями, однако современная языковая реальность не позволяет нам разделять эти оптимистические прогнозы (подтверждением тому могут выступать, в частности, рекламные ролики одного из мобильных операторов России, где использованы английские заимствования, которых вовсе не понимают представители старшего поколения: «*стримь*», «*иерь*», «*сторь*»). На страницах современных произведений заимствования занимают положение, почти равнозначное исконно русским словам, и их восприятие зависит, видимо, от собственного словаря читателя: «*трек-код*», «*траттория*», «*интернет-провайдер*» [1], «*ватсап*», «*вип-персона*» [4] и пр.

Реалистическая проза молодых авторов изобилует номинациями предметов и явлений из современной реальности – соответственно в тексте появляются и наименования этих предметов и явлений, что несколько затрудняет их понимание читателем более старшего возраста – ср., например: «*Баканов изучил информацию по доставке и FAQ...*» [1]. Впрочем, следует признать, что и для представителей возраста от 35 лет некоторые специальные слова не всегда ясны: «*Наконец, возможность вернуть и приемлемая цена доставки – правда, с подмигивающим астериском*» [Там же]. Или ещё пример: «*Судя по могучим стопкам брендов и базарной навязчивости предложений, его заманил азиатский агрегатор*» [Там же]. Допустим, что такое FAQ, знают все активные пользователи сети Интернет, значение же слов «астериск» или «агрегатор», скорее всего, придётся уточнять в словаре.

Произведения многих современных авторов «грешат» избытком речевых штампов, что позволяет отнести написанные тексты скорее к массовой литературе, нежели к интеллектуальной: «*Баканов стопорил жернова систем*» [1], «*Но всё-таки не будем рисковать терпением читателя, которого и так ежедневно угрожает раздавить су-конная волокита*» [Там же]; «*Его бычья шея была обернута толстой золотой цепью с таким же толстым крестом, на котором Иисус, поджав коленки, выражал страдание*» [4], «*Она была для него моральным авторитетом*» [Там же]. Злоупотребление клишированными моделями значительно обедняет язык произведений и снижает их художественную ценность. Такие тексты вряд ли когда-либо пополнят список классики русской литературы.

Следует отметить ещё одну, на наш взгляд, неутешительную тенденцию – к снижению художественности языка литературы. Это можно объяснить, вероятно, популярностью интернет-общения в разных его видах, особенностями размещения сообщений на ресурсах, которые требуют быстрого информирования о фактах, не предоставляя возможности обдумывания произносимого, требуя мгновенной рефлексии. В результате событийная сторона любого явления становится гораздо важнее её интеллектуальной оценки, а экспрессивный диапазон ограничивается устоявшимся набором

эмоций, заложенных в картинках, которые выражают разные оттенки чувств. Такая фактичность изложения переносится и в мир художественного произведения: *«К вечеру Петру стало легче, прошла лихорадка, температура упала, и радость начинающегося выздоровления потянула его встать наконец с постели. Он неловко, опасаясь за рану, с которой ещё не сняли швы, поднялся и затопал по пустой палате. Ему показалось, что вокруг странно, неестественно тихо – только жужжала в углу назойливая, сбесившаяся от наркоза дезинфицирующих растворов муха»* [3]. А если писатель всё же включает в текст те или иные средства выразительности, то они нередко воспринимаются как чужеродный элемент, в речи не чувствуется естественности, и читается такой текст с трудом: *«Отец его был пасечником, а мать – воспитателем детского сада. Увы, светлые предки для нас совершенно недоступны, как и те периоды, когда семья была целиком укомплектована: детство и юношество героя. Прекрасные родители как бы заслоняют своим сиянием крючокотвора. Лишь известно, что лучшие качества, унаследованные от них, испустились Бакановым самым причудливым образом»* [1]. Манера письма в данном случае напоминает скорее логические задачи, нежели естественную речь, чем многие современные тексты невыгодно отличаются от произведений классической литературы.

Произведения, сюжет которых разворачивается в современном мире, чаще всего написаны языком, наполненным просторечиями, жаргонной лексикой, которые в обычной жизни воспринимаются как норма, но на страницах художественных произведений оказываются не вполне органичными. Слова типа *«аварийка»*, *«освободился»* (из мест заключения), *«колотило»* (подразумевается волнение от нервного возбуждения), *«валят»* (в значении «возлагают вину»), *«бухло»* [4] встречаются не только в речи персонажей, что являлось бы частью характеристики последнего, но и в тексте повсеместно. В. Шапошников вообще полпгает, что *«грубость – характерное свойство современной литературы»* [6], с чем сложно не согласиться.

Демократизация языка литературы, вседозволенность в обращении с языковым материалом, примат индивидуально-авторского права на использование любых речевых форм иногда несёт опасность небрежного, неточного как употребления отдельных слов, так и их сочетания. Как замечают О. Фомина и О. Потанина, *«современные тенденции вызывают огромное опасение, поскольку правильная речь стала большой редкостью, ошибки стали нормой и принимаются как данность»* [5, 193]. Это, в частности, такое явление, как *силлепс*, когда в одном ряду оказываются неоднородные элементы – учреждения и люди: *«И по этой части требовал взаимности от гардеробных, буфетов, кинотеатров, врачей, парикмахерских, ведомств и окружающих»* [1]. Или явная смысловая неточность, присутствующая в следующем фрагменте: *«Сериков после жены отправился к бывшему криминальному авторитету, которого он когда-то ловил... В офисе, который находился в бывшем авиационном ангаре, Серикова встретила девушка-корейка с тонкими ногами на высокой шпильке»* [4]. В первом предложении наблюдаем сомнительное сочетание «после жены», подразумевающее, что после визита к жене произошли определённые события; помимо этого, и явно избыточно употребление местоимения «он». Во втором предложении выражение «тонкие ноги на высокой шпильке» сложно воспринять иначе, чем явная речевая ошибка.

Синтаксис произведений современной литературы также претерпевает множественные изменения: *«Структурных отклонений речи настолько много, что это перестаёт играть роль средства выразительности и становится приметой – наполняющим ингредиентом изложения и стиля»* [6]. К числу таких структурных отклонений можно отнести, например, злоупотребление инверсией: *«Настало время навестить и тебя, и твое услышать тоже незримое присутствие»* [2], *«Строчил исчерпывающие отзывы там, где пустота считалась нормой, и тьма была над бездной, и ни один здравомыслящий творец не задумался бы оставить след свой»* [1]. Другая синтаксическая особенность – увеличе-

ние объема предложения за счёт множества однородных членов предложения (в частности – второстепенных) и пр.: *«И как день был – летний вечер, каких не помнил, и как сквозь зелёно-желтые осколки проступала улица, и люди, и дома; и как на несколько хрупких минут особенно ложился свет сиреневый, красный и розовый, и как дрожал, будто марево, и как мягким становился воздух; и как оживали барельефы на фронтонах, и кованые балконные ограды переплетались, будто ежевичные кусты, и возвращали меркнувший свет – легко и неясно, как древние медные зеркала; как красные занавески светились таинственно в окнах четвертого этажа, и как горели и согревали навесные фонари над переулком, как блестящие глянцево-белым рельсы на Яузских воротах; как спали опавшие листья там, в темноте больничного сада за чугунным забором, и как нельзя рассказать про это – и как всё-таки можно»* [2]. Или ещё пример: *«По утрам за окном кричали петухи, мычало стадо, месившее копытами дорогу, гудели моторы леспромхозовских грузовиков, чистыми привистами заливались птицы – а к вечеру больница погружалась в тишину, и только слышно было, как тяжёлыми вздохами пучит тайгу, со всех сторон окружающую неприметную точку на карте, и как стучат колеса поездов, которые идут по Транссибу – то с запада на восток, то с востока на запад»* [3]. Примечательно, что такие громоздкие конструкции нередко «соседствуют» с отрывками, в которых авторы прибегают к так называемому «телеграфному» стилю, ставшему привычной литературной нормой в начале 2000-х гг., когда писатели стремились уместить свои мысли в как можно меньшее количество слов, использовать парцелляцию, неполные предложения: *«Наверно, можно писать неграмотно. Почти тоже можно. Наверно, можно писать плохо. Один член союза писателей не согласился бы, но можно писать без сюжета. Философский вопрос, но если мы живём без сюжета, то почему б и не писать?»* [2]. Или так: *«Сериков остановился на обочине и включил аварийку. Закрыв глаза. Он как будто существовал отдельно от всего мира»* [4]. Отказ от традиционной синтаксической структуры предложений как попытка выглядеть оригинальным нередко не приносит ожидаемого эффекта, и восприятие текста, перенасыщенного однородными конструкциями или, наоборот, краткими неполными фразами, становится очередным препятствием для читателя.

Изменения затронули и ещё один уровень языка – стилистический; стилистическую разнородность также следует считать одной из явных тенденций языка современной прозы. Касается это, прежде всего, текста «от автора», т. е. традиционно наиболее нейтральной составляющей прозаического художественного произведения. Стилистически окрашенными традиционно были реплики персонажей, что являлось одним из наиболее распространённых способов создания образа литературного героя. Данный принцип, конечно, в определённой степени и сохраняется до сих пор, что мы наблюдаем, например, в речевых проявлениях второстепенных персонажей из очереди в почтовом отделении: *«Встал колом, ненормальный»* [1], *«Чувак, я надеюсь, твоя посылка того стоит»* [Там же], *«Какой-то неадекватный»* [Там же].

Однако в современных текстах нередко стиль меняется в зависимости от того, о чём идёт речь, и некоторые речевые особенности, присущие персонажу, вводятся в текст «от автора», в результате чего по мере повествования меняется манера изложения. Сравним, к примеру, стилистически нейтрально описание сцены на почте, когда главный герой рассказа осматривает испорченное почтовое отправление: *«В задумчивости он локтем опирался на засаленный прилавок. Чёрный пластиковый мешок посылки, обклеенный кодами и реквизитами, был аккуратно разрезан; заново же его заклеили прозрачным скотчем»* [1]. А далее автор описывает продолжение этой ситуации уже с позиции студента Баканова, хотя рассказчик при этом не меняется: *«Смотрел на рот Розы Твердыщевой (именно так было накалякано детским почерком на бейджике сотрудницы), а точнее взирал, как прёт сквозь злчные усы темпераментной бабы хлебная крошка»* [Там же]. Пример, подобный рассмотренному, встречаем и в другом про-

изведении: «Он сидел за массивным столом и перекидывал стопки бумаги с одного конца в другой» [4], а дальше: «Он засмеялся, запрокинув голову и обнажив свою пасть, в которой за клыками чернели пустоты» [Там же]. Нейтральная лексика первого фрагмента во втором из них меняется на слова с ярко выраженными негативными коннотациями, выражающими внутреннее состояние персонажа.

Ещё одной из черт современной литературы является стремление к натурализму, к «неприкрытой» правде жизни во всех её проявлениях, включая физические аспекты. Эта черта нельзя назвать абсолютно новым качеством художественных текстов, её можно заметить уже в произведениях 1990-х гг., но с тех пор она не только не утратила актуальности, но и существенно усилилась: «Возле той <ветлы> переспал летом, после выпускного, с одноклассницей, которой уже давно нет, она в могиле, остались от неё, наверное, только кости да волосы» [4]; «Язык высовывался от усердия меж распухших губ. Заключение травматолога с описью ссадин и ушибов маячило перед носом правоохранителя» [1]. Такое внимание к физиологии, животному началу человеческой природы также часто диктуется современной модой на подробности, порой весьма жестокие, в средствах массовой информации и интернет-ресурсах, без чего многие новостные сообщения не смогут привлечь внимание достаточного количества зрителей и читателей.

Подводя итоги, заметим, что современные писатели оказались в сложной ситуации выбора: писать «правильным» литературным языком, но тогда рассчитывать лишь на ограниченную численно читательскую аудиторию более старшего поколения, либо говорить на одном языке с молодёжью, учитывая вербальные особенности её общения. Выбор всегда остаётся за автором: быть образцом, которому хотели бы подражать, или просто зеркалом, отражающим изменения, чаще всего свидетельствующие о деградации языка.

Литература

1. Газизов, Р. Отправление / Р. Газизов // Новый мир. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_1/Content/Publication6_7365/Default.aspx. – Дата доступа : 29.01.2020.
2. Комиссаров, В. Incantata / В. Комиссаров // Новый мир. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_1/Content/Publication6_7367/Default.aspx. – Дата доступа : 29.01.2020.
3. Покровская, О. Заветная вода / О. Покровская // Новый мир. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_1/Content/Publication6_7361/Default.aspx. – Дата доступа : 29.01.2020.
4. Тяжев, М. Поджигатель / М. Тяжев // Новый мир. – 2020. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_1/Content/Publication6_7363/Default.aspx. – Дата доступа : 29.01.2020.
5. Фомина, О. А. Языковые «недуги» и эколлингвистика / О. А. Фомина, О. Ю. Потанина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 193–196.
6. Шапошников, В. Тенденции современной литературы в языковом аспекте / В. Шапошников. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rospisatel.ru/konferenzija/shaposhnikov.htm>. – Дата доступа : 31.01.2020.

V. V. Nesteruk

Lomonosov Moscow State University Sevastopol Branch
e-mail: viky@ua.fm

About Some Language Peculiarities of the Modern Russian Prose

Keywords: modern literature, slang, borrowing, stylistic diversity, simplicity.

The article examines the latest language trends using four stories of contemporary Russian writers as an example. Changes are noted at the lexical, syntactic and stylistic levels.